

Е. Вовк

Адвокат: профессия и профессиональная этика в обыденных представлениях

Адвокат – относительно новый персонаж в современной российской культуре. Конечно, дореволюционная Россия могла гордиться сильной юридической школой и целой плеядой юристов с мировым именем. Но затем в течение долгого времени роль адвокатов в системе судопроизводства была сведена к формальному минимуму, а в обществе – и вовсе незаметна. Сегодня мы можем наблюдать возрождение этой профессии: адвокаты играют значимую роль в судебных процессах, некоторые становятся видными общественными деятелями. Кроме того, что не менее важно, пожалуй, никогда ранее адвокат не был столь расхожим атрибутом правосудия в массовой культуре: благодаря зарубежным фильмам, наверное, почти каждый россиянин выучил фразу: “Я буду говорить только в присутствии моего адвоката”.

Очевидно (и это в полной мере подтверждается материалами фокус-групп), что слово “адвокат” в первую очередь ассоциируется у людей с защитой в суде. Менее очевидно – какая роль в системе правосудия отводится адвокатам, каков сложившийся в обыденном сознании образ профессии, какими мыслятся ее предназначение и нормативные регуляторы. Именно об этом и пойдет речь ниже.

Отношение к адвокатам: общий фон

Как неоднократно отмечалось многими авторами и доказывалось во многих исследованиях, российская культура вообще и правовая культура в частности отличаются сильной моральной компонентой и установкой на репрессивность. Склонность смотреть на мир с подобных позиций сказывается и на обыденных трактовках правосудия – тогда соображения законности, прав человека, презумпции невиновности и прочие элементы беспристрастного судебного разбирательства отходят на второй план.

Суждения многих респондентов о сути адвокатской работы обнаруживают точно такие же особенности: стремление ставить во главу угла мораль, приоритет принципа партикулярности, а не универсальности – личного отношения, а не правовых норм. С подобных позиций адвокат – фигура в некотором роде героическая, борец за справедливость, защитник “униженных и оскорбленных”, облеченный правом еще до суда принимать собственное решение о мере виновности или невиновности своего подзащитного. Вместе с тем присутствует и иной взгляд: это человек, в большинстве случаев выступающий “адвокатом дьявола” и борющийся за интересы своего клиента, что бы тот ни совершил.

С этой точки зрения адвокат представляется фигурой чисто функциональной, обеспечивающей равновесность судебного разбирательства и соблюдение права человека на защиту.

Различие между этими двумя культурными образами адвоката можно условно обозначить как дилемму “призвание или профессия”. Любопытно, что именно такое противопоставление (“адвокат – это профессия, а не призвание”) использовали некоторые участники фокус-групп¹, оспаривая право адвокатов на суждения о виновности или невиновности человека и на отказ от защиты тех, кого они сочтут виновным. Ниже мы представим обе точки зрения, но сначала обозначим общий тон отношения к адвокатам в российском обществе².

Профессию адвоката три четверти россиян (78%) считают престижной (непрестижной – 10%). Свыше половины участников опроса (55%) полагают, что люди, избравшие профессию адвоката, пользуются сегодня уважением в обществе, тогда как каждый пятый (21%) утверждает обратное. Как видим, для многих респондентов понятия “престижная профессия” и “уважаемая профессия” не тождественны. Очевидно, отчасти это связано с распространенным в нашей стране пониманием “престижной” профессии как обеспечивающей доступ к деньгам, власти и другим ресурсам, недоступным “простым людям” (именно такое понимание продемонстрировали участники фокус-групп). Кроме того, по всей видимости, часть респондентов вполне позитивно воспринимают саму по себе профессию, но не очень хорошо относятся к ее представителям, не соответствующим “идеальному” образу адвоката.

Собственно о работе практикующих российских адвокатов в обществе сложилось двойственное мнение. По большей части респонденты говорили, что адвокаты в нашей стране справляются со своими обязанностями “удовлетворительно” (41% участников опроса), а позитивные оценки – “хорошо” или “отлично” (15 и 2% соответственно) – звучали столь же часто, как и негативные – “плохо” и “очень плохо” (11 и 3% соответственно).

Отзывы, основанные на личном опыте обращения к адвокатам, также неоднозначны. Половина респондентов, которым за последние несколько лет доводилось пользоваться помощью адвокатов (или у кого к таковой прибегали родственники и знакомые), остались довольны оказанными услугами, половина – недовольны (13 и 14% от выборки соответственно).

Образ адвоката. Критерии оценки работы

В этой связи нельзя не отметить, что один из основных критериев оценки работы адвокатов и, соответственно, одна из основных к ним претензий – морально-этического свойства: судя по всему, зачастую респондентов волнуют не уровень профессионализма и компетентность адвоката, а его личностные и человеческие качества. В частности, это очевидно по рассуждениям участников опроса и фокус-групп о том, каким они представляют себе сегодняшнего российского адвока-

¹ Дискуссионные фокус-группы в Москве, Самаре, Новосибирске 28 июня 2005 года.

² Общероссийский опрос населения от 2–3 июля 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов.)

та и каким адвокат должен быть. Конечно, среди неперенных характеристик хорошего адвоката упоминались такие, как образованность, изощренный ум и доскональное знание законов. Но наряду с этим и чуть ли не чаще утверждалось, что адвокат должен быть честным, справедливым, принципиальным, морально стойким, бесребреником и т. д.

Посмотрим, например, как участники массового опроса отвечали на открытый вопрос: *“Опишите, пожалуйста, сегодняшнего российского адвоката. Как Вы себе его представляете?”*³

Примерно пятая доля опрошенных (или треть от числа ответивших на вопрос) характеризовали адвокатов с профессионально-ролевой точки зрения. Одни говорили, что адвокаты – это грамотные, компетентные, опытные специалисты, защитники интересов и прав людей (по крайней мере, что они должны таковыми быть).

“В совершенстве знает законы”; “должен быть хорошим специалистом”; “имеет юридическое образование, разбирается в законах, может защищать”; “образованный, очень хорошо знает свою работу”; “человек грамотный, нормально разбирающийся в судебных делах” (открытый вопрос; 11%). *“Адвокат есть адвокат, защищает и тех, кто виновен, и тех, кто невиновен”; “защитник потерпевшего”; “он должен защищать права граждан, должен помочь, если отправиться за помощью”; “посредник между обвиняемым и судом”; “человек, представляющий интересы обратившихся к нему”; “человек, призванный в судебном порядке защищать права подсудимого”* (открытый вопрос; 7%).

Другие отмечали, что сегодняшние российские адвокаты в большинстве своем, напротив, некомпетентны, безграмотны, бездеятельны и непрофессиональны.

“..Дармоед”; “..много обещает, а делает мало”; “любят потрепаться”; “несерьезный”; “обещают много, но не выполняют”; “скорее близки к бюрократам”; “трепло”; “..обещает золотые горы, а делает часто меньше, чем на него рассчитывали” (открытый вопрос; 1%).

“Не совсем компетентный”; “перепроизводство юристов, слабые специалисты”; “слабее, чем зарубежные адвокаты, в профессиональном плане, не так основательно вникают в дело, которое разбирают” (открытый вопрос; 1%).

Но чаще респонденты характеризовали адвокатов с морально-этической точки зрения – о подобных качествах упоминал каждый третий опрошенный (или каждый второй из числа ответивших на вопрос).

Некоторые говорили, что сегодняшние российские адвокаты – взяточники, продажные люди, нечестные, несправедливые и беспринципные, действующие вопреки или в обход закона, алчные и зависимые от властей.

“Адвокаты все куплены за деньги”; “взяточник и ворюга, вымогатель”; “все деньги собирают, бесплатно ничего не делают”; “коррупционный человек”; “купленный, в своей работе учитывает в первую очередь свои интересы” (открытый вопрос; 14%).

“Алчный человек”; “больше смотрят на выгоду”; “идет за золотым тельцом”; “их интересуют только гонорары” (открытый вопрос; 2%).

³ Из ответов видно, что одни респонденты рисовали образ идеального адвоката (каким он должен быть), другие – реальный (каким они себе его представляют или наблюдают в жизни). Но в нашем случае это различие не играет особой роли.

“Беспринципный, умеющий пользоваться законодательством в собственных интересах”; “в плане честности и вопрос не стоит”; “завязаны с нечестными делами”; “мало справедливости у адвокатов”; “повернут куда выгодно”; “я сомневаюсь в честности его работы” (открытый вопрос; 3%).

“Если он на местном уровне, то не пойдет против местных руководителей”; “и нашим, и вашим – нет твердой позиции”; “марионетка”; “сильно зависимый от кого-то, от мафии”; “служат власти...” (открытый вопрос; 1%).

Отмечалось, что адвокаты должны быть (или в действительности такими и являются) людьми честными, справедливыми, принципиальными и следующими законам, неподкупными и независимыми, человечными.

“Бескомпромиссный”; “объективным, справедливым должен быть”; “порядочность, принципиальность”; “человек, который должен придерживаться законов в своей работе, защищая людей”; “честно надо работать” (открытый вопрос; 12%).

“Бескорыстным”; “не должен брать взятки”; “независимый”; “неподкупный”; “работает по совести, а не от кошелька”; “чтоб защищал не за деньги” (открытый вопрос; 3%).

“...Человечный”; “доброжелательный”; “он хорошо относится к людям, внимательный, умеет выслушать, помочь”; “сердечные люди”; “...готовый всем помочь” (открытый вопрос; 1%).

Рассуждая о сути адвокатской работы, респонденты ставят во главу угла мораль, приоритет принципа партикулярности, а не универсальности – личного отношения, а не правовых норм

Некоторые опрошенные, кроме того, рисовали феноменологический образ адвокатов – описывали их внешний вид (“в красивом костюме, с дорогим парфюмом”; “толстенькие, в очках, с папочкой, в дорогой машине”; “с наглой холерной рожей”), манеру держаться и говорить (“воспитанный, интеллигентный, точный”; “грамотная, связная речь”; “умеющий говорить и убеждать”), особенности поведения (“решительный, целеустремленный человек”; “исполнительный”; “ответственный”), социальный статус (“много работает и много зарабатывает”; “преуспевающий человек”) и т. д.

Но в данном случае мнения об адвокате как социальном типаже представляют второстепенный интерес. Посему оставим их в стороне. Интереснее и важнее, что в ответ на просьбу описать сегодняшних адвокатов респонденты чаще вспоминали об их моральных, нежели профессиональных качествах. В частности, обратим внимание, что претензии к уровню профессионализма российских адвокатов высказывались участниками опроса гораздо реже, чем претензии к их образу действий, принципам, моральному облику.

В этом контексте весьма характерно мнение одной из участниц фокус-групп: адвокат вообще должен быть морально безупречен – в том числе и в личной жизни (заметим, что личную жизнь и деловую репутацию респондентка перечисляет через запятую, как вещи одного порядка или одна без другой немислимые).

“И еще я хотела добавить относительно личности адвоката: он должен быть безупречным относительно своей личной жизни, деловых качеств. Чтобы его вообще не затрагивали порочащие какие-то действия, иначе к такому адвокату никто просто не пойдет. Если, например, говорят, что у него разлад в семье, что он жену бьет мертвым боем, детей выгнал на улицу и при этом является защитником прав человека по семейным делам... естественно, я не пойду к этому человеку” (ДФГ, Самара).

Окончание см. на стр. 67 →

→ *Окончание статьи.*

По всей видимости, здесь мы наблюдаем общекультурную привычку российского человека воспринимать функцию и личность, профессию и ее представителя как единое целое. Одно из следствий этого – продемонстрированная в ответе респондентки склонность судить о профессионализме адвоката по его человеческим качествам. Другое следствие – распространенная уверенность, что в своей профессиональной деятельности адвокат должен руководствоваться общесоциальными нормами морали и личным мнением о клиенте (подробнее об этом – несколько ниже). В итоге адвокатам вменяют в профессиональную обязанность отделять агнцев от козлиц, а невинно пострадавших – от негодяев. Впрочем, многие респонденты придерживаются мнения, что адвокаты – как, к примеру, и врачи – не имеют права на личное отношение к клиенту и что адвокатская профессиональная этика лежит по ту сторону добра и зла.

Защитник или представитель? Роль и функции адвоката

Обобщая данные исследования, можно выявить два образа профессии адвоката, два разнонаправленных представления о его роли и, соответственно, функциях: адвокат как защитник (а защищать, естественно, можно и нужно только пострадавших) и адвокат как посредник. Особенно ярко и детально эти образы выявились на фокус-группах.

Одни участники групповых дискуссий, излагая свои представления о данной профессии, говорят главным образом о роли адвоката в уголовных процессах и о его задаче добиться оправдания обвиняемого (некоторые прямо подчеркивают – “несправедливо обвиненного”).

“В основном с криминалом связано. То есть если слышишь слово «адвокат» – первым делом ассоциация с уголовщиной” (ДФГ, Новосибирск).

“Адвокат – это защитник несправедливо обвиненных” (ДФГ, Самара).

“Участник: Ну, адвокат должен как бы справедливость соблюдать. <...>

Защищать – это один вопрос, а он же здесь за справедливость борется.

Модератор: За какую справедливость? Что значит – за справедливость борется?

Участник: Ну, если человека несправедливо судят, адвокат должен его выручать из этой ситуации. Охранять права человека” (ДФГ, Москва).

“1-я участница: Он [адвокат] очень должен понять, в чем этот человек виноват или, наоборот, не виноват, и помочь ему <выпутаться> из того или другого положения. Потому что человека осуждают – ему должны будут, допустим, вот срок назначить какой-то, и вот адвокат – именно его защитник, он должен все это взвесить и понять, в чем тут корень зла-то, виноват этот человек или...”

Модератор: Скажите, это действительно дело адвоката: разбираться – виноват человек или не виноват? Или это не его задача?

2-й участник: Ну как, это его прямая задача.

1-я участница: А для чего он тогда берется за дело?” (ДФГ, Москва).

Обратим внимание: в рамках такого представления об адвокате последний наделяется правом еще до заседания суда выносить собственный вердикт о действительной виновности или невиновности человека. Более того, принятие тако-

го решения считается частью его непреложных обязанностей, одним из этапов работы с клиентом.

Другие респонденты вспоминают, что адвокаты должны не только добиваться снятия обвинения, но и следить за соблюдением прав своего подзащитного, что они работают в том числе по гражданским искам, могут не только выступать в суде, но и консультировать по правовым вопросам.

“Кроме знания законов, в процессе следствия адвокат наблюдает за тем, чтобы эти законы исполнялись относительно его подзащитного, поскольку у нас зачастую права граждан нарушаются изначально, еще до суда. <...> Также в обязанности адвоката входит консультация граждан, которые обращаются, столкнувшись с несправедливостью в обычной жизни. Что они могут предпринять для своей защиты, для восстановления справедливости” (ДФГ, Новосибирск).

“Очень много сейчас вопросов, ну, насущных, будем считать... как квартирные, семейные отношения, отношения на работе – их фактически можно решить только через адвоката, через суд, естественно. Не каждый в состоянии свои интересы защищать лично. <...> Это нужен именно профессионал” (ДФГ, Самара).

С этой точки зрения адвокат выступает не орудием правосудия, а посредником между человеком и судебной системой, представителем интересов клиента (судить о “благородности” которого адвокат не вправе).

“Я считаю, что этот человек [адвокат] – помощник, посредник. Представитель в суде, с каждым человеком” (ДФГ, Самара).

“<Адвокат> представляет мои интересы в органах правосудия и отстаивает мою точку зрения вне зависимости от того, правильная она или неправильная” (ДФГ, Самара).

Позволим себе привести пространное, но довольно нетривиальное рассуждение одного из участников дискуссии, разделяющего представление об адвокате как посреднике. По его мнению, адвокат помогает гражданину защитить себя перед государством и потребность в адвокатах возникает только тогда и постольку, когда и постольку государство снимает с себя патерналистские функции прямой опеки.

Посему, считает этот респондент, адвокат должен в определенной мере уподобляться служителю церкви – помогающему и праведникам, и грешникам и отвечающему только перед Богом.

“...Вообще-то <адвокат> – посредник между государством со всей его машиной – иногда жестокой, иногда заботящейся о нем, иногда ласковой – и человечкам. <...> Как церковь отделена от государства, так вроде бы адвокатура тоже должна быть отделена. Ведь никто же не имеет права сказать адвокату: не защищай, пусть его посадят. Поэтому хотелось бы, конечно, видеть его в роли того же самого батюшки, который только перед Богом в ответе... Потому что 15 лет государство, которое я застал, оно знало, сколько мне нужно колбасы, хозяйственного мыла и прочее... Все было рассчитано. И государство на себя эти обязанности брало: не надо тебе защищаться, я тебя буду защищать. И если ты чего-то нарушишь, я тебя само накажу так, чтобы неповадно было. Адвокат был нужен толь-

ко для того, чтобы подписать обвинительное заключение, – и все, на этом закончим” (ДФГ, Самара).

Двум образам профессии адвоката соответствуют два подхода к оценке адвокатской практики.

Одни смотрят на работу адвокатов с точки зрения того, насколько она способствует приумножению добра в мире и установлению справедливости – то есть защите добропорядочных граждан и наказанию негодяев.

“Нет, ну конечно, положительное <отношение к адвокатам>. Потому что вроде как адвокат прежде всего несет добро, он защитник” (ДФГ, Новосибирск).

“Доброе дело людям делают. Это разве не доброе дело, если защищает человека?” (ДФГ, Москва).

“Я как бы двояко <отношусь к адвокатам>. С одной стороны, он ищет что-то хорошее в преступнике. <Но с другой,> это плохой человек: он [преступник] идет против общества – и он [адвокат] все равно защищает его” (ДФГ, Новосибирск).

По мнению других, адвокат – это просто человек, который делает свою работу, и к его работе неприменимы категории общесоциальной морали.

“Я всегда за адвокатов, только за. Никаких против. А почему? Адвокат – это просто человек, который делает свою работу. Какое может быть к нему отношение вообще дурное? Почему? С какой стати?” (ДФГ, Новосибирск).

“Так он же негодяев защищает кругом – какое же доброе дело? Вон в Беслане – что же, доброе дело делает? Здесь не должно быть категорий добра и зла” (ДФГ, Москва).

Кого защищать? Представление о профессиональном долге и этике адвоката

С представлениями о сути профессии адвоката – защите от несправедливого суда или посредничестве между судом и гражданином – напрямую связаны представления о круге его потенциальных клиентов. Однозначного мнения по этому поводу среди участников массового опроса и дискуссионных фокус-групп нет. Одни считают, что людям, обвиняемым в совершении тяжких преступлений, адвокат не положен, и что адвокат должен отказаться от защиты человека, если его вина очевидна. Другие считают, что адвокат обязан защищать любого обвиняемого, вне зависимости от собственного мнения о его виновности или невиновности (более того – что на подобное мнение адвокат не имеет права).

В массовом опросе мнения распределились следующим образом. 69% опрошенных склонны думать, что адвокат должен быть предоставлен любому находящемуся под следствием человеку, независимо от того, в каком преступлении его обвиняют; 18% считают, что бывают случаи, когда подследственному не следует предоставлять адвоката. О том, что адвокат должен браться за защиту любого обвиняемого, вне зависимости от собственного мнения о справедливости обвинения, говорят 51% респондентов, доля сторонников альтернативной точки зрения – адвокату следует защищать только тех, кого он считает несправедливо обвиненными, – 24%. При этом 64% опрошенных не осуждают тех адвокатов, которые, считая обвинение справедливым, все равно берутся защищать подследственного, 20% – осуждают.

Претензии к уровню профессионализма российских адвокатов участники опроса высказывали намного реже, чем претензии к их образу действий, принципам, моральному облику

Обратить 4 строчки, чтобы влез текст:

“Модератор: Есть ли среди вас такие, кто все-таки мог бы в каких-то ситуациях согласиться с тем, что при совершении каких-то преступлений определенным каким-то людям не должна предоставляться адвокатская помощь?”

Обратим внимание на любопытную деталь: заметная доля участников опроса (а именно 14%) убеждены, что предоставлять человеку адвоката нужно вне зависимости от инкриминируемого ему правонарушения, но при этом настаивают на том, что адвокат должен защищать только тех, в чьей невиновности уверен. Можно предположить, что это как раз те респонденты, кто возлагает на адвокатов часть функций суда и считает их прямой обязанностью разобраться, справедливо ли предъявленное обвинение.

Рассмотрим подробнее стоящие за приведенными распределениями ответов соображения и мотивы и начнем с того, в каких случаях, по мнению респондентов, адвоката человеку предоставлять не следует. Как свидетельствуют ответы на соответствующий открытый вопрос, участники массового опроса под такими случаями подразумевают либо обвинения в совершен-

нии особо тяжких преступлений (убийство, изнасилование, участие в террористической акции и т. д. – по-видимому, здесь виновность человека считается как бы не требующей доказательств), либо ситуации, когда “вина очевидна”, преступник пойман с поличным.

“Для серийных маньяков, террористов”; “извергам, которые убивают или издеваются ни за что над невинными людьми, адвокатов не следует предоставлять”; “за обвинение в очень жестоком преступлении”; “детей насилюют, убивают – их надо судить сразу, без суда и следствия”; “какое-нибудь сверхзлодеяние, какому-нибудь отморозку”; “как Чикатило – им не нужно предоставлять адвоката” (открытый вопрос; 13%).

“В том случае, если абсолютно доказуемо, что это, например, убийца, нечего тратить деньги напрасно”; “если его на месте преступления взяли”; “когда убийство совершено именно этим человеком”; “зашел и убил ребенка, и это доказано свидетелями”; “если человек однозначно виновен” (открытый вопрос; 2%).

Подобная точка зрения была озвучена и некоторыми участниками фокус-групп.

“Те маньяки, которые детей, женщин, стариков просто убивают ради жидля, те, кто распространяет наркотики, им – однозначно никаких адвокатов. Рецидивисты какие-то особо опасные. Я считаю, что им не нужны адвокаты. Им просто нельзя давать адвокатов. Без суда и следствия к стенке, и все” (ДФГ, Новосибирск).

“Нет, ну, если человека застали на месте преступления конкретно, доказывать не нужно ничего, – зачем ему адвокат?” (ДФГ, Новосибирск).

Как видим, здесь не принимаются в расчет соображения о презумпции невиновности и о том, что в самом тяжком преступлении могут обвинить по наговору или по ошибке; не играют роли и доводы о существовании возможных смягчающих обстоятельств и о необходимости разных взглядов на ситуацию для адекватной ее оценки. Респондентам, придерживающимся такой позиции, представляется, что еще до суда возможно абсолютно однозначно установить виновность или невиновность человека, – и невиновным адвоката предоставить, а виновным в праве на него отказать. Такая трактовка правосудия отличается не только односторонним морализмом, но и жесткой репрессивностью – преступников нужно не судить, а карать.

1-я участница: *Абсолютно согласна. <...> Если вина доказана, и в зависимости от совершенного преступления.*

2-й участник: *А кем доказана?*

3-я участница: *Так в том-то и дело, что без адвоката это не получится.*

1-я участница: *Вот именно адвокат на суде, я имею в виду.*

3-я участница: *Так а суд-то и устанавливает виновность.*

1-я участница: *Пусть сразу выносит приговор*” (ДФГ, Новосибирск).

“Участник: *Пожалуйста, Чикатило – 56 убийств, какой может быть ему адвокат?*

Модератор: *Пока ловили Чикатило, до того как вышли на него, арестовали много других людей. Кого-то арестовали просто, кто-то просто сидел какое-то время, потом был отпущен, кто-то покончил самоубийством, потому что думали, что это он – насильник и убийца.*

Участник: *Но это же дело следствия, а не адвоката*” (ДФГ, Москва).

“Участница: *Это несправедливо. Ну, потому что, допустим, обсуждаем Чикатило – то он должен сидеть. Он [адвокат] должен как бы вот именно такого человека не защищать. Ну, я не знаю, понимаете, если бы это Чикатило, который, извините меня, погубил 56 человек, – за что его защищать?*

Модератор: *А если опять же на месте, опять же не дай бог, тот, кого взяли вместо Чикатило, оказался ваш близкий человек? Вы знаете, что он ничего не делал, а...*

Участница: *Ну вот для этого человека должен быть адвокат, но не для Чикатило*” (ДФГ, Москва).

Позиция, согласно которой совершившим особо тяжкие преступления адвокат не положен, подразумевает: единственная задача и обязанность адвоката – выгораживать подсудимого, убеждать суд в его невиновности, в определенном смысле вступая с судом в конфронтацию. Тот факт, что участие адвоката (наряду с прокурором) необходимо судье для выяснения обстоятельств дела, квалификации преступления, определения адекватной меры наказания, респонденты, придерживающиеся этой позиции, по всей видимости, не учитывают.

Те участники фокус-групп, кто не был согласен с вышеизложенной точкой зрения и настаивал на том, что предоставлять адвоката надо вне зависимости от характера преступления, мотивировали свое мнение как раз тем, что человека могут оговорить; что адвокат поможет объяснить ситуацию, толкнувшую на преступление; что он необходим для контроля за соблюдением прав подсудимого; наконец, что право на защиту – конституционное право каждого гражданина. Некоторые подчеркивали, что какой бы очевидной ни казалась виновность человека, установить ее можно только в результате детального разбирательства.

“Кто сказал, что он погубил? Показания уже сейчас меняются, многие отказываются. Вчера видели и помнили, что он, сегодня – уже нет, не знают, показалось, может быть, и не было его в школе”⁴ (ДФГ, Москва).

Половина респондентов считают, что адвокат должен браться за защиту любого обвиняемого, вне зависимости от собственного мнения о справедливости обвинения; сторонников альтернативной точки зрения – адвокату следует защищать только тех, кого он считает несправедливо обвиненными, – вдвое меньше

⁴ Речь идет о Н. Кулаеве, над которым во время опроса проходил суд.

И еще одно соображение, высказанное сторонниками мнения о необходимости предоставлять адвоката любому подсудимому: это нужно “на всякий случай”, так как провести четкую границу между достойными и недостойными защиты невозможно.

“А потом еще лучше на всякий случай, чтобы во всех делах были адвокаты, потому что если мы решим, что хотя бы когда-нибудь адвокат не нужен, то мы потом не сможем выбрать, когда он нужен, а когда не нужен. И уже из-за этого начнутся, так сказать, коррупция, взятки и все такое, уже пойдет борьба на этом уровне” (ДФГ, Москва).

В ходе дальнейшего обсуждения темы на фокус-группах эти же респонденты говорили, что адвокат необходим для нормального функционирования судебного процесса, и, судя по их высказываниям, отводили ему чисто техническую роль – роль противовеса обвинению (которое может быть и зачастую бывает необъективным).

“Модератор: Как вам кажется, система дебатов между обвинителем и адвокатом скорее помогает или мешает судье вынести справедливый приговор?”

1-я участница: *В некотором смысле помогает. Прокурор обвиняет, адвокат ищет причину, почему это произошло, как это произошло, и находит свои аргументы.*

2-й участник: *Помогает, потому что не может быть безгрешной ни одна сторона. Либо прокуратура где-то сроки поджала, выдала обвинительное заключение – прореха на прорехе.*

3-й участник: *Два мнения при наличии улик, подтверждающих это... может, обычный человек просто, который оступился. Есть человек – озлобился или крыша поехала, но нельзя же сказать, что это объективно.*

4-я участница: *Конечно, помогает: адвокат говорит свое, прокурор – свое.*

5-я участница: *Именно в этом споре и рождается истина – детали различные, тонкости...*

3-й участник: *Судья – на законодательных актах, прокурор – профессионал с документами, со своими комментариями, адвокат – со своими. Судье все это знать не надо. Это помогает освоиться, он просмотрит, это осваивается с этих дебатов. Он, конечно, знакомится с делом, но обычно это составляется кратко”* (ДФГ, Самара).

Более того, некоторые утверждали, что по “правилам игры” и адвокат, и прокурор просто обязаны быть необъективны – дескать, у каждого своя работа, своя задача.

“Его [адвоката] задача – это сделать так, чтобы этому человеку дали как можно меньше. Это же игра добра и зла, черное и белое, в данном случае он выступает белым. <...> Эти люди – они основываются на законе, но делают некое шоу, вот и все. То есть у одного задача в этом шоу – замочить, у другого – оправдать” (ДФГ, Москва).

Что касается участников массового опроса, то среди них большинство считают, что дебаты между обвинителем и адвокатом помогают, а не мешают судье вынести справедливый приговор (60% против 18%). Большинство опрошенных (65%) склонны также думать, что адвокат должен не только защищать ин-

тересы своего клиента, но и заботиться об объективном рассмотрении дела. Впрочем, доля тех, кто утверждает, что дело адвоката – исключительно защита интересов клиента и что заботиться об объективности он не обязан, также не столь уж мала – 22%.

“Адвокаты дьявола”. Нужно ли защищать виновного?

Соображения, согласно которым респонденты приписывают адвокату долг защищать любого подсудимого или же только тех, кого он считает обвиненными несправедливо, в целом предсказуемы и сходны с рассмотренными выше. Поэтому приведем только один прозвучавший на фокус-группе диалог, участник которого доказывает, что профессиональная этика адвоката (как, впрочем, и этика многих других профессий) не подразумевает каких-либо различий между преступниками и добропорядочными гражданами, – диалог пространный, но яркий и безусловно заслуживающий внимания.

“1-я участница: Мне кажется, что врач обязан лечить больного, даже если тот убийца, насильник, гад... Так же и адвокаты...”

Модератор: А как же совесть?

2-й участник: А какая совесть? Профессия вне совести, все нормально. Нет, но здесь же нет добра и зла. Это абсолютно нормально, ты не должен полагаться на какие-то чувства и все прочее, руководствоваться совестью.

Модератор: А как же общечеловеческая этика?

2-й участник: Какая этика, о чем вы, какое такое зло? Тебе важно защитить человека любым способом, вот и все.

Модератор: А если он мерзавец?

2-й участник: Какая тебе разница?

1-я участница: Это не тебе решать – мерзавец он или нет.

2-й участник: Мерзавец – решает суд. Он прекрасный, душевный человек, даже если он тебе рассказал, что до этого он убил 50 человек, – он пошутил. Ты должен сделать так, чтобы он оказался невиновен.

Модератор: А если ты знаешь, что он виновен?

2-й участник: Ну откуда ты знаешь?

Модератор: Он тебе сказал: я действительно виновен, но я хочу отсюда выйти, твое дело сделать так, чтобы они все подумали...

2-й участник: Твое дело – доказать, что он невиновен.

Модератор: Так он убил же 56 человек?

2-й участник: Ну что теперь? Работа такая.

Модератор: И выпустить его на свободу, защитить?

2-й участник: Разумеется. Но врачи же тоже лечат убийц...” (ДФГ, Москва).

С подобных позиций отказ адвоката от защиты человека, которого он считает виновным, воспринимается как свидетельство профнепригодности, невыполнение прямых служебных обязанностей.

“Модератор: А какое отношение вызывают адвокаты, которые отказываются защищать людей, в виновности которых они уверены?”

“Адвокаты дьявола”.
Нужно ли защищать
виновного?

Участник: У меня – отрицательное. Потому что если меня на улице грабят, наряд милиционеров проходит, я кричу: «Милиционер, защити – не видишь, меня грабят!» А он говорит: «Не нравишься ты мне». Это говорит о его непрофессиональности. <...> Да, я виноват. Я на улице наехал на пьяного пешехода. Он говорит: я уверен, что ты виноват. Вот справка есть из ГАИ, что ты виноват. Какой же он адвокат? Только ангелов защищать? Он даже не адвокат” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: Некоторые кровь не могут видеть – извините, не работайте врачом, до свидания. <...> Нет, ему нужно сменить работу.

2-й участник: Конечно, ему нужно сменить работу.

Модератор: Почему?

2-й участник: Он хороший человек, но хороший человек – это не профессия” (ДФГ, Москва).

Достоинство быть процитированным и такое высказывание одного из участников самарской фокус-группы: “Это не призвание – адвокат. Это работа”, – дескать, рутина есть рутина, и нечего искать в ней приятное или возвышенное.

Некоторые, впрочем, занимали не столь жесткую позицию и признавали профессиональное и человеческое право адвоката самому решать, за чье дело браться, а за чье – нет.

А вот те респонденты, кто считает, что адвокатам следует защищать только невиновных, нарушение такой максимы воспринимают как проявление нечистоплотности, продажу совести.

“Модератор: А вообще какое отношение у вас вызывают адвокаты, которые берутся за защиту подсудимых, в виновности которых они уверены?”

Участница: Какая-то, наверное, нечистоплотность, что берется все-таки за эту грязь, зная сам...

Модератор: А какое отношение вызывают у вас адвокаты, которые отказываются защищать людей, в виновности которых они уверены?”

Участница: Ну, если я знаю, что обвиняемый человек недостоин, я скажу: вот какой молодец адвокат. То есть не купился там ни на какие посулы” (ДФГ, Новосибирск).

Примечательно, кстати, что применительно к адвокатам укору в “продажности” – это, как правило, укору именно в беспринципности: “за деньги защищают кого угодно”. Некоторым, складывается впечатление, претит сама идея, что адвокаты получают деньги за свои услуги.

“Все деньги собирают, бесплатно ничего не делают”; “защищают только тех, кто больше заплатит”; “не доверяю российским адвокатам – они работают только за деньги”; “по-моему, они сейчас занимаются тем, что защищают тех, у кого есть деньги, а простого безденежного человека никто не защищает” (открытый вопрос).

Неудивительно: коль скоро многие желают видеть в адвокатах борцов с несправедливостью, защитников пострадавших, героев, превращение адвокатской практики в источник дохода неизбежно будет вызывать у таких людей возмущение и негодование.

Методы работы: согласно закону или в обход закона

При этом, что характерно, некоторые считают для адвоката допустимым в целях защиты “хороших людей” обходить закон.

1-я участница: *Иногда порой бывает нужно в каких-то маленьких погрешностях обойти закон для того, чтобы защитить человека.*

2-я участница: *В этом и специальность, специфика – чтобы обойти.*

1-я участница: *Это маленькая тень, наверно, адвоката, что деятельность его все-таки связана с ложью, но в его профессиональной деятельности, мне кажется, <без этого> просто не обойтись, иначе он просто будет прогрывать все дела” (ДФГ, Самара).*

Вообще надо сказать, что и те участники фокус-групп, кто считает адвокатов обязанными защищать любого, и полагающие, что они должны защищать только невиновных, в большинстве своем допускают: адвокат может и должен использовать не только законодательство, но и другие средства – законодательные лазейки, психологические уловки, связи.

“У них очень изощренный должен быть ум... У них в голове должен быть весь процессуальный кодекс и все лазейки, которые возможны. Он должен как бы сразу это представлять, хороший адвокат” (ДФГ, Новосибирск).

1-й участник: *А почему бывший судья – хороший адвокат? Если он работает в том же, допустим, районе, в том же суде, он уже знает всех судей, ему проще договориться напрямую.*

2-й участник: *Связи – тоже немаловажная вещь.*

3-я участница: *Да, связи они должны иметь.*

4-й участник: *Знакомства.*

3-я участница: *Не только с судьями, но и с прокурорами.*

4-й участник: *Да и с криминальными лицами” (ДФГ, Новосибирск).*

“...Заморочить всех подряд, и запутать, и сделать так, чтобы ты оказался на коне. Вот и все. <...> Их задача – сделать так, чтобы люди поверили тебе. Показать, что все вокруг, противоположная сторона – это дураки” (ДФГ, Москва).

Но некоторые, напротив, оговаривают, что используемые адвокатом методы защиты не должны выходить за пределы законности. Например, один из участников фокус-группы отстаивал мнение, что изначально работа адвоката не подразумевает неправомерных поступков, а если он начинает действовать в обход закона – это и есть профессиональная неправомерность.

“<Неправомерность в работе адвоката> – любой не предусмотренный законом поступок. Ну, не то что непредусмотренный, а может быть, и предусмотренный... Вообще-то, действия адвоката – должно по закону быть всё расписано, что и когда он говорит. <...> То есть если он нарушает закон, это и есть его неправомерность” (ДФГ, Новосибирск).

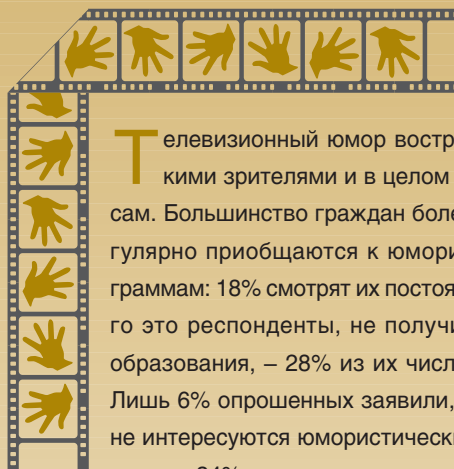
Подведем итог. Как мы видим, сегодня в сознании российских граждан существуют два представления о профессии адвоката, в определенном смысле противоположные друг другу. С одной точки зрения, вполне органичной для российской правовой культуры, адвокат видится человеком выдающихся моральных достоинств, избравшим себе благородное занятие – защищать несправедливо обвиненных людей. С другой точки зрения, менее свойственной россиянам,

Убрать одну строчку на этой или на след. стр.

адвокат – фигура не героическая, а функциональная, обеспечивающая представительство интересов сторон в суде и сбалансированность судебного разбирательства по любому делу. Основное различие между этими представлениями об адвокатах – решение вопроса о соотношении профессиональной этики с общесоциальной. И не сказать, чтобы взгляд на профессию адвоката с позиций морали доминировал в обществе: все же и участники массового опроса, и участники групповых дискуссий чаще были склонны признавать неотъемлемость права последственного на адвоката, чем кому-либо в таком праве отказывать. Распространенность мнения, что адвокат действует в интересах клиента, а не органов правосудия, также не подлежит сомнению.

Достоин внимания тот факт, что в ходе фокус-групп об адвокате-защитнике говорили, как правило, те респонденты, для которых образ адвоката связан в основном с практикой ведения уголовных дел, а об адвокате-посреднике – те, кто вспоминал о роли адвокатов в рассмотрении гражданских исков. Возможно, по мере того как практика обращения к адвокатам для разрешения имущественных, трудовых и других споров будет становиться в нашей стране более популярной, посредническая и представительская функции профессии окажутся очевидными и осознаваемыми.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Юмор на телевидении

Телевизионный юмор востребован российскими зрителями и в целом отвечает их вкусам. Большинство граждан более или менее регулярно приобщаются к юмористическим программам: 18% смотрят их постоянно (прежде всего это респонденты, не получившие среднего образования, – 28% из их числа), 40% – часто. Лишь 6% опрошенных заявили, что они вообще не интересуются юмористическими телепередачами, а 34% – что смотрят их редко.

По мнению большинства россиян, юмора на российском телевидении сегодня достаточно или более чем достаточно: 42% опрошенных считают, что его “столько, сколько нужно”, по мнению такой же доли респондентов (41%), его слишком много (это мнение чаще других высказывают люди с высшим образованием – 61%). Лишь 6% полагают, что юмористических телепередач слишком мало.

Что касается качества телевизионного юмора, то оно устраивает 58% респондентов. Наиболее высокий уровень удовлетворенности – среди молодежи (68%), людей с относительно низким уровнем образования (65%), малообеспеченных граждан (64%) и жителей сел (64%). Реже других

удовлетворенность телевизионным юмором выражают люди с высшим образованием (43%); они же чаще остальных заявляют о своем неприятии качества юмористических телепередач (50% против 30% в среднем по выборке).

Сравнивая современные юмористические программы с телеюмором советского периода и с передачами середины 90-х годов, люди чаще отдают предпочтение сегодняшним программам (35%). В два раза меньше (16%) – тех, кто сделал выбор в пользу советского юмора (прежде всего это пожилые люди – 29%). Что касается юмористических передач переломных 90-х годов, то им отдали предпочтение 8% респондентов (в первую очередь это люди с высшим образованием – 17%). Значительная доля опрошенных (42%) затруднились сделать выбор.

Наиболее популярным артистом юмористического жанра, судя по данным опроса, является Е. Петросян – 35% респондентов, отвечая на открытый вопрос, назвали его в числе артистов, которые им особенно нравятся. Лидирует Е. Петросян и в списке тех юмористов, которые респондентам не нравятся (12%). Популярность остальных активных фигурантов современной юмористической телеэстрады значительно ниже: Е. Степаненко отнесли к числу любимых артистов 15% опрошенных, М. Задорнова и М. Галкина – по 12%, Ю. Гальцева, Е. Воробей и “новых русских бабок” – по 10%.

Ирина Шмерлина

Общероссийский опрос населения 28–29 января 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).